

Елена Васильевна Бакеева

Уральский федеральный университет, доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры онтологии и теории познания, Екатеринбург, Россия
e-mail: elenabk2008@yandex.ru

«Утрата середины»: онтологический аспект

Аннотация. В статье рассматривается проблема онтологического статуса среднего, а также вопрос о возможности преодоления растущей поляризации в различных аспектах человеческого бытия. Основная идея статьи заключается в утверждении особой бытийной «локализации» среднего по отношению к противостоящим друг другу позициям. Отмечается, что промежуточная позиция не есть простое «среднее арифметическое» двух противоположностей. Топос среднего находится (устанавливается) в измерении действия трансцендирования, опережающего любые противоположности. В свою очередь, само данное действие осмысливается как несубстанциальное «ядро» субъектности. Именно реактуализация субъектности, подвергающейся «разоблачению» и проблематизации в современной философии, выступает условием преодоления поляризации. Действие трансцендирования открывает смысловое измерение языка и мышления, создавая среду для возможного диалога между противоположными позициями.

Ключевые слова: среднее, субъект, поляризация, трансцендирование, свободное действие.

Elena V. Bakeeva

Ural Federal University, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ekaterinburg, Russia
e-mail: elenabk2008@yandex.ru

“Loss of the Middle”: An Ontological Aspect

Abstract. The article examines the problem of the ontological status of the average and the question of the possibility of overcoming the growing polarization in various aspects of human existence. The main idea of the article is to affirm a special existential “localization” of the average in relation to opposing positions. It is noted that the intermediate position is not a simple “arithmetic mean” of two opposites. The topos of the average is located (established) in the dimension of the action of transcendence, which is ahead of any opposites. In turn, this action itself is conceptualized as a non-substantial “core” of subjectivity. It is the reactualization of subjectivity, which is subject to “exposure” and problematization in modern philosophy, that acts as a condition for overcoming polarization. The act of transcending opens up the semantic dimension of language and thinking, creating an environment for possible dialogue between opposing positions.

Keywords: average, subject, polarization, transcendence, free action.

Введение (Introduction)

Одна из ярких черт сегодняшнего времени — нарастающая мировоззренческая, идеологическая, политическая поляризация планетарного масштаба. Актуализация и обострение «спящих» военных конфликтов в данном контексте — всего лишь вершина айсберга. Гораздо более массовым явлением выступает всё более явное и повсеместное размежевание «образов мира» и жизненных стратегий. В области политических идеологий это размежевание проявляется в постепенном, но всё более заметном размывании и в конечном счете — исчезновении центристских движений. Всё большее число политических партий и движений во всём мире начинают тяготеть к крайним позициям политического спектра, при этом условное отнесение этих движений к «правым» или «левым» отступает на задний план

и далеко не всегда определяется собственно содержанием идеологической платформы. Более значимым здесь оказывается именно всё более выраженный радикализм позиций, чреватый ростом накала политической борьбы.

В духовно-мировоззренческой сфере этот же феномен выражается в усилении враждебности между условными «консерваторами» и «прогрессистами», опять же вне зависимости от того, что в каждом конкретном случае предлагается консервировать или, напротив, преодолевать. На одном полюсе мировоззренческого спектра увеличивается количество людей, намеренно практикующих и культивирующих некие традиционные формы жизни самого разнообразного толка, на другом же — растёт число тех, кто осознанно отказывается от следования каким бы то ни было сложившимся традициям и нормам человеческого бытия. В пер-

вом случае примером может служить неоязычество с его намеренным отказом от достижений (в том числе и бытовых) современной цивилизации, во втором — пресловутый «вокизм», движение «пробужденных», с его бесконечными экспериментами во всех аспектах человеческой жизни.

Наиболее зримое проявление описываемой тенденции можно заметить в сфере средств массовой информации (СМИ). Сегодня практически невозможно назвать СМИ, которые не служили бы рупором той или иной крайней позиции и находились бы «над схваткой» в политическом и идеологическом противостоянии. Известный феномен информационных «пузырей» связан, как представляется, не только и не столько с растущей виртуализацией человеческого существования, сколько именно с вышеописанной идеологической поляризацией. В условиях последней человек просто вынужден ограничивать себя определенным кругом источников информации, коль скоро отсутствие информационных барьеров чревато для него неминуемым вовлечением в ожесточенный идеологический и мировоззренческий конфликт. Еще более неприемлемым является заведомое отсутствие возможности серьезного диалога различных позиций, связанное с очевидной ангажированностью различных информационных ресурсов и аналитических изданий. Человеку чаще всего предлагается сразу присоединиться к определенной позиции с тем, чтобы впоследствии всё больше и больше утверждаться в ней, чему как раз и служит большинство современных СМИ.

Все вышеописанные явления (так же, как и многие другие подобного толка), как представляется, восходят к единому онтологическому «корню», который можно обозначить выражением Ганса Зедльмайра: «утрата середины». Речь идет именно о *середине* или *среднем* в онтологическом смысле — как о бытийной способности устанавливать своего рода точку равновесия между противоположными свойствами и качествами того, что *существует*. В случае признания данного обстоятельства оказывается очевидной необходимость осмысления проблемы *среднего* именно в онтологическом аспекте, в контексте вопроса «Как существует среднее?». Именно этим вопросом определяется цель данной статьи.

Методы (Methods)

Методологической основой исследования выступает экзистенциально-феноменологический подход, предполагающий осмысление онтологических проблем в аспекте полноты и осмысленности существования. Данный подход, глубоко разработанный, в частности, в творчестве С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, М. М. Бахтина, М. Шелера, М. К. Мамардашвили, В. В. Библихина, не сводится исключительно к антропологическому измерению философской проблематики. Применительно к данному подходу речь идет об установлении особого ракурса рассмотрения философских вопросов. Точка, из (в) которой открывается данный ракурс, может быть обозначена как вопрос о смысле бытия, не сводящийся исключительно к человеку. Напротив, именно человек (выступающий, к примеру, под именем *Dasein* у Хайдеггера) трактуется здесь как «место» исхождения и схождения всех бытийных вопросов.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблема бытия среднего во всей своей глубине и неразрешимости была поставлена уже в древнегреческой философии. В наиболее парадоксальной форме данная проблема ставится в платоновском диалоге «Парменид». Среднее здесь осмыслено как точка перехода противоположностей друг в друга, именуемая «вдруг», «внезапно». Это «вдруг» представляет собой средоточие парадокса, совмещения противоположностей, уже в силу этого невыразимое и допускающее по отношению к себе только апофатические характеристики: «Когда что-либо переходит от бытия к гибели или от небытия к возникновению, происходит его становление между некими движением и покоем, и оно не имеет в тот момент ни бытия, ни небытия, не возникает и не гибнет» [1, с. 395]. Таким образом, среднее у Платона мыслится как «перерыв постепенности», как не подлежащее аналитическому исследованию «место» вне времени и пространства, в котором парадоксальным образом как раз и происходят все подлинно значимые изменения существующего, получающие затем пространственно-временное выражение.

Данный парадокс углубляется и заостряется в творчестве ренессансного мыслителя Николая Кузанского, прежде всего — в его концепте «неиноного». Данный концепт призван «схватить» то невыразимое, которое *опосредует* переход противоположностей друг в друга именно постольку, поскольку оно — *до* всего: «...Неинное существует до всего так, что оно не может быть во всём том, что оказывается после него, даже если одно из этого противоположно другому» [2, с. 193].

Эта апофатическая природа среднего ставится под вопрос в гегелевской диалектике, претендующей на подлинно рациональное осмысление самого процесса опосредования противоположностей. Ключевую роль в этом процессе играет момент снятия (*Aufheben*). В «Науке логики» Гегель посвящает этому понятию отдельное примечание, в котором, в частности, говорится: «*Aufheben* имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в то же время прекратить, *положить конец*. Само сохранение уже заключает в себе отрицательное в том смысле, что для того, чтобы удержать нечто, его лишают непосредственности и тем самым наличного бытия, открытого для внешних воздействий. Таким образом, снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено» [3, с. 92]. Тем самым парадокс среднего, в предельно заостренном виде сформулированный двумя предыдущими упомянутыми мыслителями, у Гегеля «маскируется» понятием снятия, скрывающим в себе немислимую встречу противоположностей.

Вместе с тем гегелевская диалектика обнажает новый важный аспект проблематики среднего: роль языка и мышления в процессе опосредования, перехода противоположностей друг в друга. «Сохранение снятого» достигается путем перевода непосредственно сущего из реального в идеальный план бытия. Данный аспект как раз и получает свое развитие и переосмысление в рамках экзистенциально-феноменологического подхода современной философии.

«Местом» опосредования противоположностей становится здесь собственно человек как экзистенция. Так, в феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра человек, или «среднее между бытием и ничто», предстает как сознание («для-себя»), вновь и вновь безуспешно пытающееся обрести целостность (стать тем, что «в-себе»), однако сама природа сознания это исключает [4, с. 622]. Напротив, феноменологическая онтология М. Хайдеггера исходит из первичности самого феномена экзистенции, бытия-в-мире, и тем самым искомая целостность мыслится как оставленная позади (что выражается, в частности, концептом «забвения бытия») и требующая возвращения к ней. Коль скоро речь здесь идет не о возвращении к сущему, но о возвращении к бытию как *условию* сущего, это движение мыслится как жест, высвобождающий «просвет бытия», тот *промежуток*, в котором только и открывается, по Хайдеггеру, «истина бытия». Сам человек есть этот промежуток, промежуточность есть его «существо»: «...Человек существует таким образом, что он есть “вот” Бытия, т. е. его просвет. Это — и только это — “бытие” светлого “вот” отмечено основополагающей чертой экзистенции, т. е. экстатического выступления в истину бытия. Экстатическое существо человека покоится в экзистенции...» [5, с. 275]

Неотъемлемой чертой экзистенции является ее языковой характер: «Язык в своей сути не выражение организма, не есть он и выражение живого существа. Поэтому его никогда и не удастся сущностно осмыслить ни из его знаковости, ни, пожалуй, даже из его семантики. Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого Бытия» [5, с. 276]. Таким образом, именно язык выступает полем встречи противоположностей и опосредования их друг другом, чем обусловлены, в частности, и хайдеггеровские эксперименты с языком, призванные, помимо прочего, способствовать схватыванию неуловимой точки *среднего*.

Этот неуловимый характер среднего оказывается одной из важнейших тем в творчестве В. В. Бибихина. Среднее как вещь в себе всегда уже опережает любые противоположности, но именно последние оказываются тем, что организует, структурирует мысль, как это можно видеть уже у древних: «...Правое-левое, мужское-женское входит в пифагорейские пары. Эти пары не поняты, как будто бы древний структуралист любил располагать вещи по парам противоположностей. Суть пифагорейской аритмологии, ритмологии, музыки не в попарном распределении, а в указании на непостижимый ум той основы, на которой возникают пары. Когда мы приходим в мир, то видим сразу правое-левое и другие пары, увидеть то *единое*, ...которым они выброшены, мы никогда не успеваем, принципиально. Для него нет имени, оно “четно-нечетное”» [6, с. 325].

Наконец, еще один исключительно значимый аспект проблематики среднего осмысляется в онтологии сознания М. К. Мамардашвили. Речь идет о среднем как эффекте свободного действия, открывающего пространство смысла и выступающего условием легитимности («законорожденности») каждой из оппонирующих друг другу позиций. Правота этих позиций коренится, таким образом, не в их содержании, но в присутствии живого истока мысли, который и актуализируется в свободном действии, трансверсаль-

ном (поперечном) по отношению к горизонтальному разворачиванию любой содержательной логики.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В контексте экзистенциально-феноменологического подхода структурирование мира изначально выступает как один из аспектов экзистенции, по самой своей «природе» опережающей оппозицию субъективного и объективного. Тем самым экзистенция как целостное и осмысленное существование включает в себя измерение языка, трактуемого здесь не как сугубо человеческий инструмент коммуникации, но как экзистенциал, т. е. сущностная черта самого бытия. В этом контексте сам язык приобретает многомерный характер, включая в себя не только «то, что может быть сказано» (Л. Витгенштейн), но и *измерение невыразимого*. Это последнее и есть то «пространство», в котором осуществляется «разбив Бытия» (М. Хайдеггер) и, соответственно, формируются противоположности. Ключевой проблемой здесь оказывается вопрос о моменте начала этого движения структурирования, парадоксальным образом совпадающем с «точкой середины». Целостность экзистенции делает невозможным усмотрение этого момента иначе, как изнутри самой экзистенции (первичного переживания смысла). Тем самым любая попытка концептуализации среднего наталкивается на его неустранимую неопределенность.

Среднее как исток (бытия и мышления) не только характеризуется принципиальной неопределенностью, но и фатально загоразживается тем, что Хайдеггер в «Бытии и времени» называет «средней понятностью» [7, с. 196]. Последняя не является чем-то случайным, некоей оплошностью языка, но закономерным образом формируется в ходе «говорения» как одного из языковых модусов. Говорение есть, по сути своей, воспроизведение уже сказанного в отрыве от бытийного истока речи. Тем самым содержание воспроизводимого неизбежно выхолщивается, теряет измерение смысла и существует в формате бездумного повторения. В подобном формате, в частности, существуют поговорки: «Сказанность, поговорка, изречение отвечают теперь за подлинность и дельность речи и ее понятность. И поскольку говорение утратило первичную бытийную связь с сущим, о котором речь, соответственно, никогда ее не достигало, оно сообщает себя не способом исходного освоения этого сущего, но путем *разносящей* и *вторящей* речи. Проговоренное как таковое описывает всё более широкие круги и принимает авторитарный характер. Дело обстоит так, потому что *люди* это говорят. В таком до- и проговаривании, через которое уже изначальная нехватка почвы достигает полной беспочвенности, конституируются толки» [7, с. 196].

Упомянутый Хайдеггером авторитарный характер «толков» касается не только содержания, того, что говорится, но и *структуры* говоримого. Эта структура, в свою очередь, всегда предполагает наличие оппозиций, восходящих в конечном счете к противоположности добра и зла. Уже всем известная пифагорейская таблица категорий отмечена этой онтологической и этической асимметрией. При этом свойство быть «хорошим» и «плохим» определяет именно содержанием оппозиционных друг другу поня-

тий. В контексте хайдеггеровского понимания «толков» как проявления утраты «первичной бытийной связи с сущим» подобную категоричность можно осмыслить как следствие этой утраты. В том измерении языка, в котором господствует «вторящая речь», теряются основания установления оппозиционных отношений, в конечном счете формирующих всякий миропорядок. В зоне видимости здесь остается лишь «поверхность языка», размеченная вышеупомянутыми оппозициями.

Яростно критикуя «метафизиков», основным верованием которых является «вера в противоположность ценностей» [8, с. 155], Фридрих Ницше чуть ниже замечает, что подобные представления есть «только оценки переднего плана» [8, с. 155], призывая своего читателя переместиться «по ту сторону добра и зла» [8, с. 153]. В свете хайдеггеровского анализа «толков» с их неизбежно авторитарным характером пафос Ницше становится понятнее: ницшевский «свободный ум» призван вырваться за пределы «поверхности языка», механически навязывающей ту или иную альтернативу.

В контексте всего вышесказанного феномен повсеместной поляризации, или «утраты середины», может быть понят как следствие *утраты объема* бытия и мышления, выступающее оборотной стороной замыкания субъекта бытия исключительно на «поверхности языка». В этом поверхностном (плоском) измерении мысль существует уже в виде готовых абстракций, механическим образом противостоящих друг другу. Именно данное обстоятельство позволяет утверждать пресловутую «смерть субъекта», выступающую ключевой темой ряда направлений современной философии, прежде всего — постструктурализма. В плоскости объективаций языка инстанция субъекта не просто теряется — она становится ненужной, коль скоро автоматически складывающиеся языковые структуры имеют принципиально безличный характер. Между тем именно этот автоматизм работы языка и делает проблему среднего совершенно неразрешимой: выступая в качестве определенного места в структуре, субъект бытия и мысли (превратившийся в псевдосубъекта) оказывается самой этой структурой обреченным на противостояние по отношению к одному из полюсов бытийной оппозиции и на механическую принадлежность другому из этих полюсов.

Таким образом, проблема среднего может быть истолкована как изнанка проблемы субъекта: смысловой объем, позволяющий распознать внутреннюю взаимосвязь и взаимную предположенность всех и всяческих оппозиций, оказывается видимым только из «места» начала мысли и бытия. Соответственно, утрата смыслового объема есть не что иное, как один из аспектов если не утраты, то по меньшей мере *кризиса субъектности*, характерного для современности. Это означает, что искомое среднее может быть обнаружено только на пути саморефлексии субъекта, конечным (и одновременно — начальным) пунктом которого должно выступить безусловное «ядро» субъектности, в отличие от всего условного и приводящего.

Тем самым проблема среднего оказывается вплетенной в вечную философскую проблему поиска *своего*, имеющую тысячелетнюю историю и выступающую ответом на известный призыв «познай самого себя». В контексте той крити-

ки субъекта, которая разворачивалась в ряде направлений современной (неклассической) философии, любые попытки мыслить субъектность субстанциальным образом выглядят несостоятельными. Если и имеет смысл говорить о каком-то прогрессе в философии, то он скорее может трактоваться негативным образом, как последовательное отбрасывание тех или иных возможностей мысли. В нашем случае речь идет о невозможности разместить «точку» начала мысли и бытия в одном ряду с последующими шагами мысли и, соответственно, о невозможности мыслить субъект как некое *сущее*.

Эта несубстанциальность «ядра» субъектности оказывается вызовом для философии, ответом на который являются разнообразие попытки «схватывания» субъектности посредством парадоксальных концептов. Один из примеров подобного рода — концепт «странности» у В. В. Библихина. Говоря о преодолении своего «я» в возвратном движении мысли, Библихин замечает: «Свое открывается как род; образования вроде Я и Ты оказываются производными захваченности захватывающим, или производными захвата мира. Тема собственности, тема своего отвязывается от привязки типа *чья* собственность, *собственно я* становлюсь непрояснимым до прояснения *собственного*, оно уходит в «между» сторон, пар, в том числе и пары «я-ты», «я-оно», оказывается *странностью*» [6, с. 364].

Вся сложность концептуализации этого «ядра» субъектности, таким образом, связана прежде всего с невозможностью для мыслящего встретиться с этим «ядром», так сказать, лицом к лицу: оно неизбежно ускользает от прямого взгляда. Данный момент во всей его глубине и неразрешимости осмысляется, например, в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. Субъект, смотрящий на мир, — это, собственно, сам взгляд, но это как раз то единственное, что недоступно взгляду: «Где в мире должен быть обнаружен метафизический субъект? Ты говоришь, что дело здесь обстоит совершенно так же, как с глазом и полем зрения. Но в действительности ты *не видишь* глаза. И ничто в *поле зрения* не позволяет делать вывод, что оно видится глазом» [9, с. 56–57]. Именно поэтому «субъект не принадлежит миру, а представляет собой некую границу мира» [9, с. 56].

Проблема, стало быть, заключается прежде всего в том, чтобы отыскать путь к этой границе, которая одновременно (точнее — *вневременно*, коль скоро время также есть принадлежность «внутримирных» вещей) разделяет и соединяет любые противоположности. Невозможность мыслить субъект как некое сущее оставляет в конечном счете единственный вариант этого пути: *трансцендирование как скачок из мира, действие преодоления «внутримирного»*. Это означает, что субъект как граница существует только в этом действии, он не может длиться, но должен постоянно актуализировать себя и, соответственно, мир. Данный акт, обозначаемый М. К. Мамардашвили как «точка точек», не вписан в пространство мира, но, напротив, открывает это пространство, порождая первую оппозицию (есть — нет), а затем уже и все остальные противоположности: «Но конгруировать с каким-либо предметом “точку точек”... мы не можем, это какой-то “мировой нуль” (пустые понятия), — в силу разнородности, схваченной минимумом-максимумом

скачка. И мы изначально имеем двухрядность, двоичность, которая дает себя знать положительными и отрицательными понятиями, полярностями, энантиоморфностью и т. п. Есть бытие у сущего или нет бытия у сущего» [10, с. 471].

Таким образом, «точка точек», зачинающая мир со всей его структурой, — это ни на чём не основанное (чистое или свободное) действие, связанное с чем-либо «внутримирым» сугубо отрицательным образом: как с тем, что подлежит преодолению, выступает препятствием для свободного акта. Это означает, что человек как субъект, совпадающий с границей мира, достигает «ядра» субъектности («точки точек»), только двигаясь изнутри некоей данности (в том числе и данности своего тела, своей психики, своего социального статуса и т. п.) — к свободе, которая парадоксальным образом всегда уже есть, в противном случае само движение не могло бы начаться: «Человек — это существо, которое не может посмотреть на себя со стороны Откровения, а лишь наружу из себя, имея в себе сознание Свидетеля, и в него вглядываясь, и всё подбирая под его взгляд, и Его только лишь встречая своим свободным актом, высвобождающим место для Него в человеческом чулане. Фактически высвобождая свободу (но во времени) и приобщаясь к “тайне времени”, к тайным путям порядка, “грозного и прекрасного мира” за облаками» [10, с. 474].

Итак, трансцендирование как «высвобождение свободы» и выступает тем единственным путем к подлинному себе, который позволяет восстановить утраченный смысловой объем. Что означает — актуализировать то «место», в котором рождаются противоположности и из которого становятся видимыми их взаимная предположенность и одинаковая правомерность? При этом речь отнюдь не идет о каком-либо циничном релятивизме, обесмысливающим все и всяческие различия, в том числе и различие добра и зла. Среднее как «точка точек» не есть позиция *безразличия*, но тот топос, в котором (из которого) рождаются любые различия. Коль скоро этот топос не существует как данность, но устанавливается в акте трансцендирования всего «внутримирного», он носит сугубо формальный (бессодержательный) характер и именно поэтому оказывается не затронутым различиями и противоположностями (в «точке точек» попросту нечего различать и противопоставлять друг другу). Вместе с тем как раз переживание и осмысление *бессодержательного* (а это означает — *безосновно-*

го) истока любой позиции открывает возможность встречи противоположностей и, соответственно, возможность *диалога*. Открытие безосновности и — одновременно — правомерности своей собственной позиции позволяет и даже требует допустить аналогичную правомерность позиции противоположной, коль скоро она не вытекает из того, что утверждается, но выступает эффектом свободного действия. В измерении смысла, открываемом актом трансцендирования, появляется возможность не сколько осознания, сколько молчаливого переживания единства противоположностей. Смысл здесь оказывается той невидимой виртуальной средой, которая обеспечивает различение и связанность противостоящих друг другу позиций. Таким образом, сама актуализация этого смыслового измерения становится препятствием движению поляризации, неизбежному на уровне простых объективаций языка. Тем самым среднее оказывается не «средним арифметическим», точкой на шкале между противоположными полюсами, но той невидимой смысловой средой, которая рождается в действии преодоления мира на пути к себе и выступает самоочевидным условием существования самой этой шкалы.

Заключение (Conclusion)

Всё вышесказанное позволяет сделать ряд важных выводов относительно онтологического статуса среднего и возможностей преодоления описанной выше ситуации «утраты середины», чреватой войной всех против всех. Во-первых, следует признать бесперспективность попыток поиска золотой середины в измерении «внутримирного сущего», к примеру, в социально-политической или идеологической сфере. Содержательно определенные и закрепленные на уровне объективаций языка позиции, оторванные от своего виртуального смыслового истока, принципиально не способны к компромиссу. Это означает, во-вторых, что невозможны какие-либо над- или внесубъектные пути решения проблемы всеобщей поляризации позиций. Существует только один путь выхода в измерение среднего — актуализация субъектности. Наконец, в-третьих, эта актуализация может быть осмыслена как действие трансцендирования, высвобождающее смысл, рождающий и опосредующий любые противоположности. Только в этой виртуальной среде смысла противоположные позиции уравниваются и лишаются своего конфликтного и разрушительного потенциала.

Библиографический список

1. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / пер. с древнегреч. М. : Мысль, 1999. 528 с.
2. Кузанский Н. Соч. : в 2 т. / пер. с лат. М. : Мысль, 1980. Т. 2. 471 с.
3. Гегель Г. Наука логики / пер. с нем. СПб. : Наука, 2002. 799 с.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / пер. с фр. М. : Республика, 2000. 639 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. СПб. : Наука, 2007. 620 с.
6. Бибахин В. В. Собственность. Философия своего. СПб. : Наука, 2012. 536 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Избранные произведения : в 2 кн. / пер. с нем. М. : Сирин, 1990. Кн. 2. 415 с.
9. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / пер. с нем. М. : Гнозис, 1994. 612 с.
10. Мамардашвили М. К. Введение в философию. М. : Фонд Мераба Мамардашвили, 2019. 650 с.